

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 8

СОРОКАДНЕВНАЯ ГОРА – ГОРА ИСКУШЕНИЯ

В пещерной обители

Преодолев трудный подъем на гору, русские богомольцы с благоговением входили под своды пещерного храма. Краткое описание «Сарандаря» содержится в «Проскинитарии» Арсения Суханова (1652 г.): «Егда же дойдет до самой пещеры, иже бяше монастырь великий, и та пещера велика гораздо, а из той пещеры воину, и то есть церковь была, писана вся и престол к стене, и место, идеже Христос Бог наш сидел; и с того места камень емлют поклонники; тут же и миро шло благоуханное сверху из горы. Мы же, взявше камень от того места, и целовахом место, идеже Христос Бог наш сидел, и возвратихомся вспять ко своим станам <...> в том месте Спаситель и Господь наш четыредесят дней и ночей постился [Матф., гл. 4] Святая Елена стену едину сделала, при которой есть престол невеликий. Зело много тут камения, о которых диавол рече: „рцы, да обратятся камение в хлебы“»¹.

Сходные сведения содержатся в «Проскинитарии» иеромонаха Арсения Каллуда (1670-е гг.): «В долготу расстояние пути дойдеши на место, идеже Христос сидяще постяся, и тамо есть церковь созданная от святой Елены, в здании церкви видится камень кругл, на нем же яма в середине, глаголют, яко есть вображение колен Христовых, за еже на том колена преклонь моляшеса Богу и Отцу. Тамо есть на живописании Богочеловек Христос. Лукавый демон с письмом, еже глаголет: «рцы, камени сии да будут хлебы». И Христос: «не о хлебе едином поживет человек», и прочая»². В записках святогорца схимонаха Селевкия есть краткое, но любопытное сравнение: «Там был храм, но уже разорен; и есть *камень подобный хлебу*. Отсюда видно Мертвое море, из которого выходит смрадный дым»³.

Архимандрит Августин (в миру – Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Проскинитарий. Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочия святяя места для описания святых мест и греческих церковных чинов // Православный Палестинский сборник. Т. VII. Вып. 3. СПб., 1889. С. 77–78.

² Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 52–53.

³ Рассказ святогорца, схимонаха Селевкия о странствовании по святым местам. СПб., 1860. С. 126–127.

К 1843 году относится описание пещерных храмов Сорокадневной горы, принадлежащее перу отечественного паломника А. А. Уманца.

Пещера Спасителя обширнее всех прочих и довольно высока. Потолок ее весь почернел от разводимых здесь огней. Я взял отсюда один камень на память. В смежной с ней на север, также довольно просторной пещере заметно небольшое четырехугольное углубление, впереди отделенное стенкой, сложенной на извести; в нем, как сказывал наш проводник, некогда лежало несколько тел усопших отшельников и еще недавно находили здесь остатки их костей, до того еще не выброшенных бедуинами. Внизу же, при возвращении, я заметил валявшийся между камней кусок черепа. К югу от пещеры Спасителя, на той же высоте, узкий проход в виде коридора ведет в развалины существовавшей здесь некогда небольшой церкви. От обрыва скалы она заделана стеной из тесаных камней и с правильным окном. Прочие стороны, неправильной формы, углубляются в скалу. В середине подведен был свод, который обрушился в недавнее время.

Наверху были хоры и заметны еще остатки каменной лестницы, которая вела туда. Из этого грота дверь, в прямом направлении на юг, ведет в другую комнату, висющую на самом краю карниза скалы; одна стена этой комнаты, противоположная входу, вся обрушилась, а левая — до половины. На уцелевшей половине сохранился, со всей яркостью красот, нарисованный на стене большой грудной образ Спасителя с греческой над ним надписью. Направо в скале сделана небольшая полукруглая ниша и в ней изображена Св. Дева Мария, принимающая, как мне помнится, от Архангела Гавриила лавровую ветвь, знамение принесенною Ей благовестия; между ними, покрытый до земли стол, а над головами греческие надписи их имен. Краски здесь также еще сохранились, хотя местами и заметны умышленные царапины, равно как и на образе Спасителя. Мы не могли решить, что это было: алтарь или особый придел с жертвенником; кроме маленькой боковой двери, через которую мы вошли, сюда не было царских врат. Проводник же наш утверждал, что алтарь находился у наружной стены и у помянутого выше окна, которое от входа было на левой руке и обращено прямо на восток, — и это очень правдоподобно. На окне я заметил несколько вырезанных надписей с именами путешественников, из которых древнейшая относилась к 1648 году⁴.

Самое подробное описание пещерных храмов Сорокадневной горы принадлежит перу архимандрита Порфирия (Успенского). Туда он отправился вместе с местным «гидом», который поведал русскому богомольцу сказание о том, как «пророк Иша» постился на горе Искушения.

Провожавший меня шейх-магометанин болтал мне, как на Сорокадневной горе постился Иисус. Вот болтовня его: «Великий пророк Иша с учениками своими уединился в той большой пещере, в которой есть малеваная по-вашему церковь, дабы там поститься во весь месяц рамадан. Так как оттуда не видать захождения солнца, которым оканчивается этот пост, то Иша из глины сделал птицу, дунул на нее, и она замахала своими крыльями и улетела в одну темную пещеру сей горы. Это птица кофаш, скрывающаяся днем и вылетающая только в минуту захождения солнца. В каждый вечер, когда иерусалимский муэдзин оповещал правоверным окончание дневного поста, птица Иши вылетала из пещеры и кружилась над ним. Тогда он начинал молиться вместе со своими учениками. Во время молитвы его растворялось небо и оттуда спускался к нему серебряный стол, на котором лежала большая жареная рыба, пять хлебов, соль, маслины, финики, гранаты и свежий салат из небесного огорода. Иша садился за стол, и ангелы прислуживали ему»⁵.

⁴ Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. Ч. 2. СПб., 1850. С. 356—361.

⁵ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 52.

Далее архимандрит Порфирий приступает к описанию пещерных храмов. В настоящее время многое изменилось и многое утрачено в интерьере древних церквей, и поэтому сведения, приведенные о. Порфирием, представляют особый интерес.

Шейх повел меня в пещерную церковь, в которой, по словам его, постился Иисус. Мимоходом заглянув в два широкие и глубокие *ема*, иссеченные в горе, один возле другого, казалось не для дождевой воды, которой неоткуда стекать в них, а для мумий или для хранения каких-либо запасов, мы вошли в большую четырехстороннюю пещеру, обделанную внутри руками людскими. При рассмотрении ровных стен ее думалось, что отсюда выпилены были камни для постройки Иерихона. Над ней, в такой же искусственной горнице, некогда устроена была церковь. Войти в нее можно только через круглое, малое отверстие в потолке нижней пещеры. А так как с нами не было лестницы, то все мы один после другого взлезли туда с помощью проводников наших, составивших из себя живые ступени. Что же оказалось там? Оказалась длина церкви от востока к западу в 11 аршин, а ширина в 8. Оказалось, что восточная стена ее разломана больше половины. Оказалась стенная живопись. Я рассмотрел ее внимательно, и что и что видел, то записал на своей путнической тетрадке. На восточной стене у потолка, налево, ясно виден архангел Гавриил, благовествующий Пресвятой Деве Марии; а ее изображение уничтожилось вместе с проломом тут утеса. Южная стена церкви повреждена и живопись на ней изглажена; а северная стена уцелела, и на ней сохранились многие священные изображения. В углублении, близ восточной стены, виден Иисус Христос, сидящий на троне; под стопами его — подушка; справа предстоит Богоматерь, слева Иоанн Предтеча. Это — Деисус. Все эти лики большого размера. Под стопами Спасителя изображены одной темной краской три диавола, летящие стремглав. Итак, эта стенопись представляет торжество добра над злом. В этом самом углублении, над Спасителем, на потолке нарисованы разводные лозы с большими цветами, а на окраинах углубления изображены в рост архангелы Михаил и Гавриил. Рядом с сей картиной написан в четырехстороннике преподобный Герасим Иорданский, извлекающий ножичком занозу из лапы льва. Это животное красного цвета. Под Герасимом и архангелом Гавриилом нарисованы одной светло-желтой краской святые Адриан, Ф.....са, Енкентия, и южный ветер *нот* в человеческом образе: Адриан в шлеме с колчаном и мечом; а *нот* на коленях, дующий в трубу. Эта картина гораздо древнее первой. Рядом с Герасимом начертан крест без Распятого, окруженный ветвями и цветами. Что и что было под этим крестом, то стерлось.

Потолок в церкви был расписан. Но все изображения с него осыпались. Кроме уцелевшей живописи и кроме малой толики человеческих костей ничего в ней нет. В конце южной стены ее есть проход. Он непосредственно ведет в узкое отделение пещеры, в котором помещалась утварь и ризница. Тут восточная стена складена из тесаных камней в виде сквозного креста так, что через него можно выходить на площадку перед ним. Из сего отделения через дверь проходишь в третье отделение, пещерное. Здесь восточная стена складена из тесаных камней со стрельчатой большой аркой в середине ее. В этой горнице ничего нет, а во время оно тут, по всей вероятности, помещались церковнослужители.

Описанная мною церковь, по заверению иеромонаха Парфения (1740—1748 г.), освящена была во имя Спаса, а устроена блаженной царицей Еленой (матерью Константина Великого). Эту церковь в 1508 году видел, как опустевшую и полуразрушенную Георгий, приор монастыря в Хемнице, а в 1552—1559 гг. гвардиан Гроба Господня Вонифатий застал в ней стенные изображения, смею думать, те самые, кои видел я. Реченный иеромонах Парфений, описывая Сорокадневную гору, поведал, что близ оной церкви Елены находится пещерка, в которой жил Христос, и что древние отцы облицевали внутренность ее мозаикой, с большим изображением одного шестокрылатого серафима из золотистой мусии, а седалище Христово облицевали плитой из зеленого мрамора⁶.

⁶ Там же. С. 52—56.

Вот какая картина предстала здесь взору Виктора Каминского в 1857 году: «В прaxe я пал на месте подвигов Сына Божия и благодарил Провидение, что сподобило меня узреть это святое место. Но, Боже, в каком оно запустении! — В бывшем храме все изуродовано то временем, то варварами, не знающими Сына Божия, которые приходят сюда издеваться над Его Церковью. Два только абиссинца постоянно в этом месте славят Господа, и стараются следовать по Его святейшим стопам. Один из них, когда мы приближались к пещере, сидел у ее входа и читал (руко)писанный Псалтырь на своем языке. Увидя нас, он встал, поклонился и провел во внутрь вертепа. Там лежал другой абиссинец, мучимый лихорадкой; оба они чрезвычайно худы, скудно одеты, ничего не имеют и ничего, кроме хлеба, не принимают. В большие праздники они ходят в Иерусалим на поклонение, и потом опять возвращаются в свое уединение. Из второго выхода пещеры, за которым находится небольшая природная терраса, видно, в крутизнах горы, множество опустелых вертепов. Некоторые из них так отвесны над пропастями, что не постигаешь — каким образом люди могли туда взбираться?»⁷

К середине 1880-х годов обитель была возрождена благодаря трудам русского монаха Аркадия (Конюхова). К этому времени относится описание монастыря, принадлежащее перу А. В. Елисеева (1884 г.)

Бедная скромная обитель приютилась в пещерах, которые идут почти на отвесном обрыве скалы; из пещер этих вид, расстилающийся вниз и вокруг поразительный; Иорданская долина с тящимся в ней Иорданом, Мертвое море, панорама гор Иудейских и страна Заиорданская — все это представляет такую чудную панораму, каких немного в Палестине. Смотрит вниз и не надивуется паломник действительно поразительному и вместе с тем прекрасному виду, «сердце так и прыгает от радости», а тут монахи покажут еще полуручных дроздов, обитающих около монастыря в таких же щелях обрыва, в каких ютятся и самая обитель, покажут и свою убогую церковь — вырубленную в скале пещеру, все свое незатейливое хозяйство, мало того, облакают, как могут, паломника, угостят его хлебом, ракичкой, приготовят кипяток... И этот чай в пещерах, откуда расстилается вид — единственный на Святой Земле, после трудного подъема втрое слаще кажется усталому паломнику... Кто пободрее, да посильнее, тот поднимается и выше обители на место, где, по преданию, диавол искушал Христа... Все это вместе, особенно полное уединение обители от остального мира, ее исключительное положение, беднота и вместе с тем гостеприимство — все это чрезвычайно привлекает паломников, и они любят эту тихую, бедную обитель, и о ней одной из немногих отзываются всегда наилучшим образом. Сколько может, на запись жертвует поклонник на обитель и часто даже жалеет, что не может пожертвовать больше; я знавал нескольких простых паломников, которые дали себе обет, — придя в Россию, устроить сбор на поддержание этой скудной, но вместе с тем чудной обители»⁸.

Вот какой предстала эта обитель перед взором писателя-паломника Евгения Маркова (1885 г.): «Теперь там устроился опять маленький православный скит в пещерах, вырубленных древними отшельниками в толщах горы. Переходы и спуски, скрытые от взора человека, соединяют эти недоступные стрижиные гнезда иноков, вися над страшной бездной. Кое-где к черному входу пещер, разбросанных на различных высотах, прилеплены утлые балкончики, галерейки и лесенки, на которые даже снизу нельзя глядеть без содрогания»⁹.

Православный писатель-паломник скрупулезно обследовал те пещеры, которые были доступны для посещения. «В маленьком монастырьке живет всего 3—4 мона-

⁷ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 505.

⁸ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 243—244.

⁹ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 261.

ха. По остаткам стенных фресок и другим археологическим признакам нужно думать, что древнейшие следы монастыря относятся еще к веку царицы Елены и первых византийских императоров, — пишет Евгений Марков. — Только небольшая часть старых пещер занята теперешним монастырем. Большая же часть рассеяна по разным недоступным обрывам и складкам горы, так что до многих добраться нельзя без веревок и лестниц»¹⁰

В 1887 году здесь побывал отечественный паломник А. Коптев; вот что он сообщал об увиденном: «Монастырь чрезвычайно бедный; церковь устроена в одной из пещер. Выше этой пещеры, где церковь, находится другая пещера, будто бы та самая, в которой Спаситель проводил 40 дней в посте и молитве. В этой пещере на северной стороне указывают место молитвы Спасителя и на стене заметно изображение св. Его лика, из чего заключалось, что место это было храмом молитвы кого-либо из отшельников. На эту-то ужасную гору Иисус Христос от вод Иордана и был возведен, или — по более сильному выражению св. Марка — „увлечен“ Духом в пустыню»¹¹.

В 1889 году скальный монастырь посетила группа русских паломников, в числе которых был Е. Э. Картавцов, автор книги «По Египту и Палестине» (СПб., 1892). «Перед нами род большого грота или пещеры, выбитой в скале; здесь складываются все запасы для дежурной братии; здесь же ночуют странники, — вспоминал отечественный пешеходец. — Несколько выше, внутри скалы пространство, заменяющее церковный притвор; здесь записываем поминовения; поднимаемся еще выше по лестнице и входим в маленькую, бедную, но чистую и светлую часовню; тут, по преданию, была небольшая пещера, где молился Господь. Просим отслужить молебен; служат чинно и не спеша — впечатление вообще хорошее. Часовня в скале и, следовательно, не на самой верхушке, куда взобраться со стороны долины можно только привезя с собой лестницы, канаты и полдюжины арабов проводников. Во входной пещере над самой пропастью устроен балкончик, сделанный очень надежно; под ним бесконечная глубина; с него же очень недурной вид: Иерихон, Иордан, монастыри Иоанна Предтечи и св. Герасима, долина Иордана»¹².

Храм обители двухпрестольный — и двухъярусный. Нижний четырехстолпный придел построен так, что ровно половину его (западную) составляет углубленная в гору пещера, а восточная часть, с алтарем, находится на пристроенной к площадке. На своде церкви отчетливо можно проследить границу естественной скалы. Лестница справа от алтаря ведет на второй этаж — в придел, устроенный непосредственно в пещере Первого Искушения. (Кстати, и всю обитель часто называют по этой пещере «монастырем Первого Искушения».) Здесь, в нише, под небольшим престолом (ориентированным, таким образом, на запад), находится камень, на котором сидел Господь во время Своего поста, когда приходили к нему дикие звери¹³.

Протоиерей Павел Бобров побывал в Сорокадневной обители в начале 1890-х годов. В своих записках он уделит внимание хозяйственному быту монастыря. «Здесь подвизаются не более 10 греческих иноков. Это поистине избранники Божии, — пишет о. Павел. — Церковь у них и кельи иссечены в горе и довольно удобны. Воду и дрова достают из-под горы. От келий выходит наружу терраса. Вид отсюда на долину и далее восхитительный, если в то же время не смотреть на страшную пропасть, которая у подошвы гор. Много природных пещер видно в скалах; в них иноки находили

¹⁰ Там же. С. 262.

¹¹ Коптев А. Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 году. СПб., 1888. С. 192.

¹² Картавцов Е. Э. По Египту и Палестине. СПб., 1892. С. 207.

¹³ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 262.

убежище, когда на время Великого поста удалялись из монастырей в пустыню для духовных подвигов»¹⁴.

Архимандрит Мефодий, настоятель Никандровой пустыни Порховского уезда Псковской губернии, сподобился посетить древнюю обитель в 1892 году. «В одной из пещер этой горы, по преданию, Спаситель, в сорокадневном посте и молитве, приготавливал Себя к великому делу учения и искупления рода человеческого, — пишет о. Мефодий. — Теперь же в пещерах этих приютилась бедная иноческая обитель: в ней у самого престола, под коим хранится тот самый камень, на коем Спаситель благоизволил стоять при искушении, мы отслужили молебен»¹⁵.

В те же годы под сводами древнего монастыря побывала другая группа паломников из России. Один из них так описывает встречу с тамошними иноками: «Из монастыря доносился до нас колокольный звон, возвещавший о начале богослужения и придававший нам бодрость. Итак, мы достигли площадки монастыря. Настоятель встретил нас радушно, ввел в храм, а потом показал камень, на котором, выражаясь словами предания, Спаситель отдыхал во время поста и молитвы. Отслужив молебен и приложившись к святым иконам, мы вошли под темные своды монастырской трапезной, где нас угощали по восточному обычаю вареньем, ракичкой, водой и вкусным черным русским хлебом»¹⁶.

Гостеприимством насельников обители пользовались многие богомольцы из России, щедро жертвовавшей на нужды монастыря. Это отметил в своих записках иеромонах Серафим, прибывший сюда в 1908 году вместе с группой русских паломников. «Здесь нас радушно приняли, показав нам все достопримечательности и святыни, предложили в келье любвеобильного настоятеля архимандрита Авраамия подкрепить свои силы, каковым предложением мы с глубокой благодарностью воспользовались, так как ужасно утомились трудностью пути, — отмечал о. Серафим. — Здесь я вспомнил слова св. Андрея Критского: „Христос искушася, диавол искушаше, показуя камение, да хлебы будут: на гору возведя видети вся царствия мира во мгновении. Убойся, о душе, ловления, трезвися, молися на всяк час Богу“. С древних времен христианства, находящаяся в западном углу этой горы пещера, в которой Спаситель пробыв в молитве и посте, преобразована была в церковь, украшенную, красивыми стенными изображениями, между которыми главным образом, отличался уцелевший донныне образ искушения Христа диаволом»¹⁷.

В сравнении с предыдущим автором прот. Александр Глаголев (1911 г.) весьма краток: «Здесь мы встретили добрый прием у греческих монахов, которые показали нам церковь, в которой указывается место подвигов Спасителя. Здесь нами было совершено молебствие с чтением евангельского повествования об искушении Господа диаволом (Мф. 4, 1—11)»¹⁸.

Незадолго до Первой мировой войны гостеприимством игумена монастыря воспользовалась группа русских старообрядцев, в числе которых был С. И. Быстров, автор книги «По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов)» (М., 1916). «Бодрый еще старец, о. Авраамий, приветливо встретил нас и предложил, по восточному обычаю, по стакану холодной воды, которая была для нас более чем кстати, — пишет С. И. Быстров. — К нам редко заглядывают сюда паломники, — заметил, между про-

¹⁴ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 77—78.

¹⁵ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 23.

¹⁶ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 123—124.

¹⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 71.

¹⁸ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 72.

чим, о. игумен, — слишком труден сюда путь; суровую и пустынную гору избрал Искупитель наш для своих подвигов»¹⁹.

После Первой мировой войны приток паломников из России прекратился. Лишь редкие представители русского зарубежья навещали Сорокадневную гору. В их числе была Александра Гаврилова, побывавшая в Палестине в 1945–1946 годах. Вот что она сообщала о пещерном монастыре в августе 1945 года: «30/VIII. Были на Сорокадневной горе. На половине горы — греческий монастырь над пропастью, прилеплен к горе, как ласточкино гнездо. Здесь церковь в пещере, в которой Иисус Христос провел 40 дней поста и был искушаем сатаной. Церковь над обрывом, достаточно глубоким и теперь, по борту церкви балкончик — висит над самым обрывом. Мы постояли на нем, глядя на ближайшие горы, изрезанные множеством пещер, в которых когда-то обитали пустынники. Конечно, и церковь, и монастырь построены на русские жертвования, о чем свидетельствуют иконы, и надписи на них, и сами монахи.

Из церкви несколько ступеней ведут к камню, на котором молился Спаситель и стоял, искушаемый сатаной. Я, с разрешения монахов, подобрала кусочки этого камня, отколотого сбоку. Кусочки, вроде беловатого кремня. Камень уже почти отполирован, и стоянием на нем (после Иисуса Христа здесь спасались и другие отшельники), и лобзаниями. Монахи подарили нам по жестяной иконке — Искушение Иисуса Христа и по книжечке, об этом месте, на русском языке»²⁰.

В записках Александры Гавриловой содержатся интересные сведения, касающиеся повседневной жизни древней обители. «Разбойники часто проникали в монастырь со стороны вершины и обирали его; а в прошлом году (1944 г.) избili монахов и отняли деньги, — пишет раба Божия Александра. — Из семи прежних монахов осталось трое; все говорят по-русски. Делают виноградное вино, виноград-то, вероятно, снизу из Иерихона. Давали нам пробовать. Показывали нам глиняный „самовар“ (так и называют), вмазанный в скалу, с краном, с топкой снизу — „так как в прежние времена было много паломников из России, а они не могут без чая“ — осведомили нас монахи»²¹.

Еще одним паломником из русского зарубежья, побывавшим в 1952 году в Сорокадневной обители, был епископ Чикагский Серафим (США). Записки владыки об этом монастыре дополняют сказанное его предшественниками. «Нам взяло добрых полчаса, пока мы добрались до монастыря „Искушения“. Нас сверху заметили и встретили колокольным звоном. Настоятель монастыря архимандрит Павел довольно прилично говорит по-английски и очень гостеприимен, — пишет епископ Серафим. — Этот небольшой греческий монастырек восстановлен в 19-м веке на русские средства архимандритом Авраамием. Этот монастырек, несмотря на бедность, и до сего дня славится своим гостеприимством. Производит он впечатление весьма благоустроенного. Имеется до сорока келий, но братии всего 5–6 человек. Устав строгий, общежительный. Пища тоже уставная, без мяса, как заповедал монахам еще св. Василий Великий. Церковь пещерная, но очень благоустроенная. Мы отслужили в ней молебен, на котором прочитали Евангелие от Луки об искушении Господа, осмотрели монастырь, приняли скромное угощение в трапезной, побеседовали с гостеприимными иноками»²².

В том же 1952 году здесь побывала группа русских паломников-эмигрантов из Франции. Вот их краткое сообщение об увиденном: «С большим трудом взбирались мы на раскаленную высокую гору, мрачную и скалистую, где Христос сорок дней молился и был искушаем диаволом. На склонах ее — старинный греческий монастырь,

¹⁹ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 169.

²⁰ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945–1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 84.

²¹ Там же. С. 85–86.

²² Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк. б/г. С. 138.

в храме которого находится замечательная икона апостола Петра. Радостно и радушно встретили нас иноки»²³.

И снова колокольный звон, и снова угощение. Об этом вспоминала русская паломница из Западной Германии, побывавшая в этой обители в 1953 году. «Как паломник нас монастырь встретил колокольным звоном, — пишет Людмила Ступенкова. — Помолвившись в малой церкви, мы вышли на площадку монастыря, откуда открывался чудный вид на долину, Мертвое море, Иордан. Перед уходом мы подкрепились угощением, принесенным услужливым греческим монахом»²⁴.

«Немецких русских» сменяли «французские русские». В 1950-е годы побывавшие здесь русские из Парижа застали в обители такую картину: «Этот монастырь, неоднократно восстановленный после различных разрушений, существует и сейчас, принадлежит грекам и, несмотря на трудный подъем по горе, непрерывно посещается паломниками всех национальностей. Там подвизаются игумен и 5—6 монахов»²⁵.

В 1955 году в Горненский монастырь близ Иерусалима прибыли первые монахини из тогдашнего Советского Союза. Их число постепенно росло, и некоторые насельницы получили возможность посетить древние палестинские обители. Вот что записала в своем дневнике инокиня Наталия в 1983 году: «Когда мы подъехали к Сорокадневной горе, то нашим взорам открылась величественная картина — гора высокая, огромная, почти отвесно уходит ввысь. Где-то на середине горы по отвесной стене прилепился греческий монастырь. В нем воздвигнут храм над камнем, где молился и на котором сидел Спаситель. Над камнем сделан престол и как ко всякой святыне, к нему можно приложиться. Здесь мы со своим батюшкой о. Варфоломеем и читали Евангелие и служили молебен, что вспомнили пели из постного. Встретили нас очень приветливо, провели на трапезу. Там всего живут 3 греческих монаха»²⁶.

После 1991 года паломники из России все чаще стали посещать Сорокадневную гору. Так, в 1994 году здесь побывала группа богомольцев, в числе которых был игумен Никон (Смирнов). «Мы входим в монастырь, нас встречает схимонахиня Анна, она из России и хорошо объясняет по-русски, — пишет о. Никон. — Идем в храм Благовещения, а из него по лестнице в часовню, где под престолом виден камень, на котором молился Господь во время 40-дневного поста. Мы стали петь канон св. Андрея Критского „Помощник и Покровитель“, „Душе моя, душе моя, востани, что спиши?“, „Помилуй мя, Боже“. Дошли до момента чтения Евангелия, как это уже стало правилом у нас, — на святых евангельских и библейских местах читать соответствующий текст. Наступила пауза, на этот раз Евангелия с нами не оказалось. Мы чуть не разом со вздохом произнесли: „Вот искушение!“ А через секунду вспомнили, что находимся на горе Искушения. Да, искушениям быть неизбежно. Однако Евангелие скоро нашлось у матушки протоиерея Алексия Злобина, и наш чтец внушительно прочитал повествование об искушениях Христа на этой горе»²⁷.

Путь на вершину

Третье искушение Иисуса Христа происходило на макушке горы. «И, возведши Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение време-

²³ Родзянко Л.Э. О Святой Земле и паломничествах. Париж, 1958. С. 26.

²⁴ Ступенкова Л. Пасха в Святой Земле. Мюнхен, 1955. С. 30.

²⁵ Святая Земля. Париж, 1961. С. 114—115.

²⁶ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 16.

²⁷ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 49.

ни. И сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их: ибо она предана мне, и я, кому хочю, даю ее. Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое. Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Лук., гл. 4, ст. 5—8). На самой вершине горы в древности стояла церковь. Поэтому, посетив монастырь, часть паломников решилась взойти на вершину Сорокадневной горы. Записки, сделанные отечественными богомольцами в разные годы, частично повторяются, но по большей части дополняют друг друга.

Князь Радзивилл Сиротка (1583 г.): «На самом верху сей горы (но с той стороны, где путь во Иерусалим) есть часовня, на том месте, где диавол, взяв Господа показал ему все царства мира сего, о чем глаголется во Евангелии. Вся сия гора полна вертепов, в которых некие пустынники обиташа; ныне жестоких ради сих поганых (мусульман. — *Авт.*), несть никого»²⁸.

Иеромонах Арсений Каллуда (1670-е гг.): «В вышнем крае горы есть иная малая церковь, и тамо диавол глаголаша, показуя Иисусу вся царства мира: «сия вся Тебе дам», и прочая. С тоя горы видети: Иерусалим, Галгалы, Иордан и вся обстраня. Доле, в разных вертепах тамо сущих, обретаются останки нетленны святых скитников, и иные стоят правы, иные имут простертые руки и возвышенные на небо, и иные коленопреклонно»²⁹.

Архимандрит Порфирий (Успенский) (1853 г.): «В настоящий день я много потрудился, осматривая источник Елисея, восходя на самый верх Сорокадневной горы Искушения Христова, лазя в пещеры иссеченные в этой горе, и исследуя местность Иерихона. Любознательность моя не любит усталости, а письмоводитель мой, — карандаш умеет делать очерки виденных мной предметов и записывать сведения о них памяти ради <...> Я со всеми спутниками раненько начал восходить на самый верх горы Искушения. Площадь его мала. На ней стоят толстые стены запустевшей церквички без кровли. Я измерил ее всесторонне и начертил план ее. Восточная стенка от угла до угла ее, снаружи, длиной в 10 аршин с четвертью. Она очень толста, так что в ней сделан полукруглый выем для алтаря в 3 аршина с вершком в поперечнике. В этом выеме пять рядов снизу целы, а шестой снят до половины. В юго-восточном углу в основание стены положены камни большие и толстые. Северо-восточный угол сохранился лучше. Он складен из параллелепипедов толстых и тонких. Тут найдены череп и кости какого-то постника. Длина храма равна ширине его, высота ныне в 2¹/₂ аршина. Западная дверь шириной в 1 аршин и три четверти. Он освящен был во имя Богоматери, по заверению греческого иеромонаха Парфения, составившего описание Святой Земли около 1748 года»³⁰.

Виктор Каминский (1857 г.): ««Из пещеры уединения Христова, с одним абиссинцем и своим драгоманом, я пошел далее — на вершину Карантании, где Спаситель был искушаем от диавола. Вершина эта выше всех высот горной Иудеи, и восход на нее очень труден; но я радовался этой трудности, шел безостановочно и не хотел нигде отдыхать, чтобы скольконибудь потрудиться там, где Господь так много трудился для нашего искупления; я даже молил Его внутренно, чтобы Он послал мне здесь более испытаний; однако же почти не чувствовал никакой тягости. Передо мной раскрывались более и более Иудея, Иорданская страна и самый Иордан. Последний казался мне тонкой, вьющейся лентой — между горами с одной стороны и равниной с другой.

²⁸ Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки. 1582—1584. СПб., 1879. С. 79—80.

²⁹ Арсений Каллуда, иером. Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима (1679 г.). СПб., 1883. С. 53.

³⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 48—50.

Море смерти преступных городов (Мертвое море. — *Авт.*) сверкало в последних лучах заходящего солнца; вся равнина Иорданская дышала приветливостью, а горы с другой стороны — величием. Если в дополнение к этому прибавить древле цветущий Иерихон, везде города и селения бывшей многолюдной Иудеи и всего Заиорданья, также сады и леса, тогда еще не истребленные, ручьи не иссякшие, то все это представляло бы, с этой высоты, истинно царственную землю, — и духу лжи легко было, указывая на такую сложную страну, назвать ее отдельные части царствами мира.

На самой вершине Карантании, среди трех полуразрушенных стен, находится разрушенная небольшая церковь, с малым остатком горнего места. Перед этим остатком я стал на колени, облобызал священную землю, где, может быть, были стопы Богочеловека, и молил Его даровать мне силу противостоять искушениям злого духа, как Сам Он здесь выдержал многовидные нападения от этого духа злобы. Затем, руководимый абиссинцем, сошел с горы другой ближайшей стезей. У подошвы горы я нашел своих кавасов, и в сумерках достиг с ними лагеря»³¹.

Иеромонах Иерофей (1858 г.): «Путь к пещере трудный и опасный: оттого и ходило нас к ней не более 100 душ. Из пещеры большая часть пошли к палаткам, между тем как человек двадцать решились взойти на самый верх горы. Карабкаясь по утесу, я думал, что неостанет сил моих взлезть на самую вершину. На месте, где диавол при искушении требовал от Господа себе поклонения была когда-то церковь; ныне от нее одни развалины; уцелела отчасти только запрестольная стена. Среди развалин под камнями я увидел кости и головной череп. Мы помолились на горе, я прочитал ектению за царя и дом царский, а также и за всех христиан, а потом, взяв другой путь, стали спускаться»³².

Иеромонах Павел (Вертоградов) (1862 г.): «Гора сия несколько повыше других многих, но ниже Фаворской; вся из камней: перед (передний склон. — *Авт.*) крутой и опасный; ходу на верх ее полчаса времени, пространство вверху плоское, — сажень с пятью: стоит и поднесь на оной остаток каменной стены небольшой полукруглой бывшей церкви. Восходя на сию гору прошлого (1861) года одна русская поклонница преклонных уже лет, нечаянно упала вниз и умерла. В пещерке горы сей и погребена. Проходя мимо ее, видел не истлевшие одежды на ней и голову, и помянул за упокой. <...> Восходили мы в числе троих русских на *гору Искушения*, где отслужили молебен»³³.

Хитрово В. Н. (1870-е гг.): «Мы стали взбираться на самую вершину. С вершины горы, с которой, по Евангелию, диавол показывал Иисусу Христу все царства мира и славу их, открывается чудный вид на всю Иорданскую долину, Мертвое море, Аммонитские и Моавские горы и Иудейскую пустыню»³⁴. Посредине вершины сохранились только стены древней церкви. Помолившись на том месте, где, говорят, Спаситель был искушаем, стали мы спускаться, а спуск еще труднее, чем подъем, того и гляди нога отступит и полетишь вниз с кручи»³⁵.

Евгений Марков (1885 г.): «На заоблачной вершине Джебель-Карантеля купаются в знойной синеве небес развалины какой-то древней церкви или сторожевой башни... Иностранцы уверяют, что тут стоял когда-то замок крестоносцев, защищавший подступы к Иерусалиму от заиорданских пустынь; а здешние греческие

³¹ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 505—507.

³² Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока, Киево-Печерской Лавры иеромонаха Иерофея, в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 123—124.

³³ Павел (Вертоградов), иером. Путешествие по святым местам на Святой Земле, во Святую Афонскую гору и в Палестину в 1862 году. Ч. 1. М., 1866. С. 121—122.

³⁴ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 182.

³⁵ Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 150.

и арабские предания говорят, напротив того, о монастыре времен царицы Елены; эта версия, кажется, более правдоподобна, более согласна с практическими условиями местности. Некоторые смельчаки с железной головой и железными ногами, говорят, поднимаются иногда — конечно, с надежными проводниками — до этого недоступного венца Сорокадневной горы. Там водружен большой крест на том месте, откуда, по преданиям, дьявол показывал Христу все царства мира. Я готов был верить, глядя даже издали на эту головокружительную высь, что оттуда действительно увидишь какое хочешь далекое царство, и что для дьявола, действительно, нельзя бы было найти никакого более подходящего места...»³⁶

Протоиерей Павел Бобров (начало 1890-х гг.): «Над нами еще высоко была вершина горы Искушения, но чтобы взойти на нее, надо было ночевать здесь, а мы спешили к ночи достигнуть обители св. Георгия Хозевита»³⁷.

Петр А-истов (1894 г.): «Из трапезной вместе с настоятелем мы пошли на вершину горы; монастырь расположен на первой трети высоты горы. Подъем на вершину был страшно крут, и мы для облегчения себе пути старались нагибаться вперед. На вершине горы мы увидели остаток древних стен, которые служат теперь основанием для вновь воздвигаемого храма. Здесь же видно и место для будущего престола. Как видно, стены эти сохранились со времен царицы Елены. Налюбовавшись сверху на окрестности и Елеонскую колокольню, мы снова возвратились в монастырь, откуда, после небольшого отдыха, тронулись в обратный путь»³⁸.

Арсений, епископ Сухумский (1894 г.): «Некоторые желают подняться на самую вершину Сорокадневной горы, где, по преданию, диавол, искушая Спасителя, показал Ему царства мира; надобно иметь ввиду то, что подниматься туда весьма трудно и без проводника опасно. На верху горы в первые века христианства была устроена церковь; часть арки ее доселе осталась цела. Но до построения церкви на этом самом высоком пункте существовала крепость, от которой видно доселе много камней и ров, вырубленный в скале»³⁹.

Дорошевич Влас (конец 1890-х гг.): «По ту сторону оврага, среди гор, высокая, обнаженная странной формы вершина. Это Сороковая гора, гора Искушения. Она похожа на огромную волну, которая поднялась к небу выше всех, да так и застыла, серая, дикая, страшная. Она вся порыв вверх, порыв мрачный, угрожающий. Она выделяется среди окружающих гор, господствует над местностью. С ее вершины открывается безнадежнейший вид на пустыню Иудейских гор и вид на широкую зеленеющую долину Иордана»⁴⁰.

Ювачев И. П. (начало XX в.): «Мы взбирались и на самую вершину горы, откуда была видна вся окрестность Иорданская. На западе отлично выделялась русская колокольня на горе Елеонской, а на севере царил белоснежный Ермон. Отсюда, говорит предание, были показаны Христу „все царства вселенной во мгновение времени“. Место на самой вершине теперь расчищено для сооружения церкви»⁴¹.

Путеводитель по святым местам града Иерусалима (1908 г.): «Почти на вершине этой страшной горы указывают место, где сатана искушал Спасителя и пещеру, в которой Христос проводил время Своего сорокадневного поста и подвига. Над пе-

³⁶ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 262.

³⁷ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 78.

³⁸ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 124.

³⁹ Арсений, епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 191.

⁴⁰ Дорошевич В. В Земле обетованной (Палестина) М., 1900. С. 208.

⁴¹ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 236—237.

щерой этой в скале указывают огромную трещину, имеющую вид креста и чудесно образовавшуюся в память пребывания здесь Богочеловека. Пещера эта равноапостольной царицей Еленой обращена была в часовню и украшена художественными фресками и изображениями; остатки их видны на стенах пещеры до настоящего времени. Многочисленные пещеры в этой горе служили и служат местом пребывания и подвижнической жизни многих подвижников и пустынников. Здесь же покоятся останки многих подвижников, мирно здесь почивших среди необычайных подвигов, вдали от мира, втайне от людей»⁴².

Прот. Александр Глаголев (1911 г.): «Отсюда некоторые из нас взбирались и на самую вершину горы, откуда открывается вид на далекое пространство. Здесь сооружается вторая церковь»⁴³.

Быстров С. И. (1914 г.): «Узнав, что мы решили подняться на самую вершину горы, о. игумен дал нам монастырского проводника. На самой вершине горы, куда мы после нескольких остановок добрались, строится церковь; вся вершина обнесена довольно высокой каменной стеной, внутри которой роются ямы и выкладывается фундамент. Во временной часовне монах-сторож указал нам две старинные иконы: одну круглую в виде рипиды — Христа Спасителя, другую большую, продолговатую — апостола Петра; на той и другой благословляющие руки, к нашему удивлению и удовольствию, имеют двоеперстное сложение.

Широкий вид открывается с вершины горы на окрестности! Недаром повествуется в Евангелии, что «поим Его (Христа) диавол на гору высокую зело и показа Ему все царства мира». Вся почти Палестина была видна отсюда: с одной стороны зубчатые очертания Иудейских гор, левее — горы Моавитские, земля аммонитян, амореев, с которыми не раз приходилось бороться кочующему Израилу и его великому вождю Моисею, чтобы пробиться в страну, «точащую мед и млеко», дальше синее излучистый Иордан, окаймленный пушистой зеленью камышей, тростников, кустарников; правее темнеет Мертвое море, над которым, точно пелена, повисли желтоватые туманы; среди многочисленных вершук гор синее в туманной дали Елеон, на котором, как остроконечная игла, блестит шпиль колокольни храма Вознесения; на самом горизонте синей полосой оживает Средиземное море — и все это как будто вот рядом, хотя верная сотня верст отделяла нас от видимой дали»⁴⁴.

Гаврилова Александра (1945 г.): «По коридорам, вырубленным в скалах, монахи проводили нас к выходу на гору, и мы пошли к вершине. Дорожка еще труднее, недаром отцы отговаривали нас. А тут еще первый час дня — самый солнцепек. На вершине четырехугольная стена, что издали видна со всех сторон, оказалась каменной оградой будущей церкви. Мы обошли ее кругом извне по узкой тропинке, прижимаясь все время поближе. Внутри фундамент новой церкви, говорят, на остатках какой-то древней. Церковь должна была быть небольшая в форме креста. Она начата до первой Великой войны и из-за русской революции не закончена, т. к. средства шли из России. Мы взяли камешек оттуда. Там есть и законченная постройка: предполагавшаяся часовенка и две кельи при ней. Осматривали окрестности с крыши.

В Евангелии говорится: „Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их“. Не говорится, — на какую гору. Монахи говорят: здесь. Для нашего человеческого глаза оттуда видна только вся долина Иорданская, окруженная холмами; Мертвое море и за ним Моавитские горы; и внизу, конечно, Иерихон, зеленым веселым оазисом. Но Сорокадневная гора безусловно эта, т. к. она лицом к Иерихону и новому, и старому, который там рядом и сейчас раска-

⁴² Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 192—193.

⁴³ Глаголев Александр, прот. По святым местам: от Киева до Иерусалима. Киев, 2005. С. 72.

⁴⁴ Быстров С. И. По Востоку. (Путешествие старообрядческих епископов). М., 1916. С. 170—171.

пывается. Это подтверждается давнишней традицией, и русский паломник XII века, игумен Даниил, тоже упоминает об этой горе: „К западу от Иерихона возвышается в объеме каменных гор, Гора Испытания, где в обширной пещере сорок дней постился Спаситель“.

Я избегаю писать о своих чувствах в святых местах, — где возьмешь подходящие слова? и достаточно ли их? Но на этой горе... мы преклонили колена на фундаменте церкви, и я представила себе Богочеловека, «в Котором было кроме Божеского и все человеческое, кроме греха; и подход к Нему врага рода человеческого, как к человеку, хотя бы и совершенному. Ответы Христа спокойные, уже готовые; но... борение было? — раз искушитель рядом... И Божеское восторжествовало, ради нашего спасения»⁴⁵.

Миша Гаврилов, сын Александры Гавриловой (14 лет): «4 сентября 1945 года. Вскрабакались мы с величайшими усилиями к греческому монастырю, который поставлен на месте, где стоял Господь Иисус Христос, искушаемый диаволом; а потом, к необычайному удивлению монахов, которые за последнее время отвыкли от русских паломников, а имели дело больше с английскими туристами, — взобрались, с Божией помощью, на самую вершину горы. Монахи говорили, что отсюда диавол показал Господу все царства мира сего. Вид с вершины горы истинно прекрасный. Весь Иерихон расстилается широким зеленым ковром, где рассыпаны белые пятнышки — домики. Вдали Иордан и Мертвое море. Вокруг — горы. Сама же вершина окружена громадной стеной, внутри которой находится недостроенная церковь в форме креста»⁴⁶.

Серафим, епископ Чикагский (США) (1952 г.): «Некоторые, наиболее выносливые, поднимались на самый верх горы. Там проводники показывали пещеру, где, по преданию, проводил свой 40-дневный пост Иисус Христос после крещения, готовясь к проповеди Евангелия. Над пещерой в скале находится огромная трещина, наподобие креста, чудесно образовавшаяся во время пребывания здесь Богочеловека. На самой вершине горы, перед самой почти (1-й) мировой войной, на собранные, главным образом в России средства, был сооружен массивный фундамент для большого храма. Революция помешала дальнейшей постройке храма, на месте, где диавол обещал отдать Иисусу все царства мира и славу их, если Он, падши, поклонится ему. Диаволу, конечно, не хотелось, чтобы был воздвигнут храм на месте его великого посрамления»⁴⁷.

Инокания Наталия (1983 г.): «Мы поднялись на самую вершину горы, там сохранилась закладка храма русского в форме креста и монастырская стена. Его достроить помешала война. Рядом и далеко-далеко уходят скаты гор. Вся противоположная гора изрыта пещерами — здесь жили аскеты, многие здесь и почивают»⁴⁸.

Игумен Никон (Смирнов) (1994 г.): «Желающим предложено было предпринять восхождение выше монастыря, на вершину. «Кто молодой, можете подниматься», — советует схимонахиня Анна. Но «записались» в молодые многие седовласые батюшки, и начался тяжелый восход под палящим солнцем. Опять с молитвой Иисусовой. Бог дал: все, кто отправились, достигли верха горы Испытаний. Там стоят стены недостроенного монастыря, воздвигнутые русскими. Революция 1917 года парализовала строительство. Стены стоят, а храмов и корпусов нет. В центре территории видны остатки древнейшего храма IV века, который строила св. царица Елена. Мы поднялись на своего рода террасу, площадку, — самую высокую точку и стали петь хором 103-й псалом (на мелодию) Аллеманова. <...> Кратко отдохнув на площадке, еще раз окинув

⁴⁵ Гаврилова Александра. Записки паломницы (1945—1947 гг.). Джорданвилль, 1968. С. 85.

⁴⁶ Там же. С. 8—9.

⁴⁷ Серафим, епископ. Паломничество из Нью-Йорка в Святую Землю. Нью-Йорк, б/г. С. 136.

⁴⁸ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.) СПб., 1996. С. 16.

взглядом «вселенную», мы поспешили вернуться в монастырь. Матушка стала рассказывать о монастыре и раздала всем открытки с видом камня, на котором сидел Господь и на котором Он молился в 40-дневный пост. Мы попили холодной монастырской воды, вспоминая ценность одной чаши воды по Евангелию. Тепло прощаемся с матушкой Анной и — в обратный путь»⁴⁹.

У подножия Карантала

...О спуске с Сорокадневной горы паломники писали немного и по-разному. Вот что сообщал об этом иеромонах Парфений (грек) (1748 г.): «Сходишь с горы Сорокадневной вниз, к подошве ее: тут прямо в южных сторонах есть целый ряд пещер древних святых подвижников. Там поныне находится множество святых мощей, из которых три стоят на коленях. Над одними мощами надписано: Феоктист Пафлагонянин. Из этих пещер, проникая внутрь горы, находишь некий ход, весьма тесный и темный, и восходишь в самую сердцевину горы. Там находишь некий простор такой ширины и длины, какая соразмерна вержению малого камня. А в середине этого простора есть привысь. Наверху же самой горы висит некий светоч, в два роста вышиной, дающий большой свет от маяков, какие имеет сия гора; он освещает весь простор. Там древние иерихонцы имели железный столб в три мужских обхвата»⁵⁰.

Комментарий архимандрита Порфирия (Успенского): «Рядом с Сорокадневной горой, на одной восточной линии с ней, высится другая гора Мгер-абу-Бисса. В ней также как и в той, находится много пещер, в которых жили древние монахи. По прочтении (текста иеромонаха Парфения) невольно мнится, что в Сорокадневной горе и в соседней с ней Биссе пещеры, горницы, ходы, столп, просветы иссечены и устроены были не безденежными монахами, а богатыми иерихонцами для их житейских надобностей. Думается и то, что помянутый простор, освещаемый сверху через скважину в горе, был храм, посвященный иерихонцами главному божеству их, и что железный столп в три обхвата имел то же значение, какое имели столпы и *аммунимы* в капищах финикиян и столп в чтилище Посейдона на острове Атлантиде, т. е. на нем написаны были главные законы и возле него приносились были кровные жертвы. А иерихонцы были хананео-финикияне»⁵¹.

Архимандрит Порфирий (Успенский) (1853 г.): «Я по прежней тропе сошел вниз к тому месту, с которого началось восхождение на темя оной горы, и, окинув взором иссеченные в ней многочисленные пещеры, захотел побывать в тех из них, в которых были церкви. На южном отроге горы высоко видна была церковь с окнами и входами, складенная из тесаных камней и приставленная к отрогу. Она первая манила меня к себе, и я стал подниматься к ней без посоха, по узенькой и стропотной тропинке, но, миновав подобное зданье, почувствовал усталость в ногах своих и сел отдыхать немного выше этого зданья. А новокрещенный домочадец мой Фрументий вместе с погонщиком коней, негром, взошел туда, но ничего там не видел и, спустившись к нам, сказал, что весьма опасно идти туда, потому что есть прерыв в тропе, через который надо перепрыгивать. Такое известие охладило мою любознательность тем более, что мне известно было, как оттуда упали армянин и грек и расшибились до смерти. Я сделал очерк реченных церквей и ведущей к ним извиистой тропы»⁵².

⁴⁹ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 49, 52.

⁵⁰ Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 56–57.

⁵¹ Порфирий (Успенский), епископ. Указ. соч. С. 56–57.

⁵² Там же. С. 51.

Иеромонах Иерофей (1858 г.): «На половине спуска нам встретились три разбойника из бедуинов, страшные и черные собой, один с ружьем и кинжалом, а двое с довольно большими булавами; но увидев, что нас много, потребовали только бакиши. Услышав же, что с нами Абдул, они оставили нас, и пошли своей дорогой. Абдула арабы и бедуины знают, уважают и боятся, а сам Абдул есть никто другой, как магометанского исповедания араб, честный и услужливый: живет он в Яффе, имеет жену и детей, занимает место каваса при яффском консуле и уже тридцать лет служит постоянным провожатым поклонников из Яффы в Иерусалим и обратно, также в Назарет и на Иордан, везде и всегда защищая христиан; русские поклонники особенно любят его»⁵³.

Петр А-истов (начало 1890-х гг.): «Немало трудностей представлял и спуск с горы: по временам приходилось, буквально сидя, сползать, что не могло казаться особенно приятным в особенности в местах, усыпанных щебнем. Наконец мы благополучно достигли подножия Сорокадневной горы, где оставили лошадей с шейхом и фуражиром. Снизу виднелись пещеры, прорытые в горе, доступ к которым, по причине крутизны, казался совершенно невозможным. У подножия горы наша кавалькада построилась и двинулась тихим шагом обратно в Иерихон. Начало уже смеркаться, когда мы в 7 час. 45 мин. вечера, миновав гору Елисеевского источника, прибыли в русский приют в Иерихоне. Здесь в приюте о. Антонина мы поужинали, напились чаю и вскоре легли спать»⁵⁴.

Пьер Лоти (1896 г.): «В теплые сумерки, когда мы сидим пред дверьми своей маленькой иерихонской гостиницы, к нам подъезжает верхом на лошади, галопом, монах в черной рясе, с длинными развевающимися по воздуху волосами. Это — один из отшельников Сорокадневной горы, которому удалось прибыть сюда первым, чтобы предложить нам вырезанные из иерихонского дерева небольшие вещицы или из иорданских раковин четки. С наступлением ночи приехали к нам и другие монахи в таких же рясах, с такими же длинными волосами и с той же целью, как первый. Здешняя ночь, теплая и почти удушливая, очень отличается от еще холодных иерусалимских ночей. В то время, как загораются одна за другой звезды небесные, под темным покровом галаадских бальзамовых деревьев со всех сторон раздается лягушачий концерт, — такой непрерывный и однако такой скромный, что он кажется нам только особым видом тишины и безмолвия. Там, внизу, в арабском лагере слышен лай пастушеских собак, — там, далеко, — барабан и маленькая флейта бедуина, — вероятно, призывные звуки к празднованию какого-нибудь дикого праздника; иногда очень ясно донесется до слуха жалобная, зловещая фистула гиены или шакала, а сейчас, совершенно неожиданно, раздается песня берлинской кофейни. Среди слабых и неизменных вечерних звуков Иудеи эта песня звучит полнейшим диссонансом. Прибывшая сюда с закатом солнца и расположившаяся лагерем в палатках компания немецких туристов только осквернила своим посещением эту маленькую пустынную идиллию. После полуночи, когда все смолкает, тишина принадлежит соловьям: они наполняют оазис своей восхитительной, чистой, как кристалл, музыкой»⁵⁵.

Ювачев И. П. (начало XX в.): «Спустившись с горы, мы с большим трудом отыскали нашу коляску. Равнину охватил уже вечерний сумрак. Извозчик-араб попросил у нас денег для сторожа мальчика. Мы дали ему двугривенный. Переговорив с мальчиком, извозчик сел на козлы и сказал нам, что мальчик требует еще две парички (самые мелкие медные монетки). Мы позвали арабчонка и, лишь только дали ему па-

⁵³ Дневные заметки во время путешествия по святым местам Востока, Киево-Печерской Лавры иеромонаха Иерофея, в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 124.

⁵⁴ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб. 1894. С. 123—124.

⁵⁵ Иерусалим. Из путевых очерков Пьера Лоти. СПб., 1898. С. 79.

рички, как извозчик стегнул по лошадям и быстро поехал к Иерихону. Тут только мы сообразили, как просто он всех нас обманул. Парички достались мальчику, а двугривенный он взял себе. Нам это плутовство не понравилось. Объясниться же с ним мы не могли: он так же мало понимал по-русски, как мы по-арабски»⁵⁶.

Епископ Рязанский и Егорьевский (старообрядческий) Александр: «Мы в бинокль смотрели на монастырь, дивясь устройству его. Некоторые здания, лепясь по горе террасами, буквально висели над пропастью. Виднелась церковь с колокольней, ряды зданий, выше и ниже по утесу горы. На самой вершине горы виднелась каменная ограда, за которой (как после сказали нам побывавшие там наши спутники) заложена церковь. В монастырском саду, где мы остались, протекал хороший источник, орошая сад с массой бананов, виноградников и фруктовых деревьев. Монах садовник угостил нас бананами и свежими огурцами. Через несколько времени из монастыря сошел игумен о. Авраамий, — строитель монастыря сего, и принес в корзинке угощения — пива и красного вина. Поздоровался с нами, поцеловав наши руки, ибо узнал, что мы епископы, и высказал сожаление, что мы не удостоили своим посещением его монастырь. Пожалели и мы, ибо оказалось, что восход туда более легкий, чем уже пройденный нами: дорожки, проложены зигзагами, имеются и лавочки для отдыха. Угостил нас о. Авраамий брынзой (овечьим сыром) и огурцами. Он грек, но говорит и по-русски. С арабами он живет хорошо, дарит их и угощает, и они за дешевую цену отвели ему большой участок — под сад и посев.

Когда сошли с горы наши спутники и немного отдохнули в саду, мы спустились к источнику Елисея пророка и поехали, по весьма неудобной каменистой дороге в гору; лошади с трудом тащили повозки, пришлось сойти и идти пешком»⁵⁷.

...За сто с лишним лет многое здесь изменилось. Экскурсионные автобусы подвозят паломников и туристов к самому подножию горы. Подъем пешком занимает всего 25—35 минут. Либо можно прокатиться по канатной дороге из Иерихона и пройти до монастыря порядка 15 минут пешком. Насыщенная паломническая программа часто не оставляет времени на молитву, на благочестивые размышления. А между тем и современные богомольцы могут руководствоваться словами отечественного палеонтолога Ф. Палеолога, который образно отметил святость этого места: «Четыре высочайших пункта Св. Земли — гора Фавор, гора Эрмон, **гора Сорокадневная**, гора Франков — послужат спасительными маяками для путников всех стран света, которые в поисках истины блуждают безнадежно по морю жизни. Эти маяки, из которых Фавор и **гора Сорокадневная** освящены великими событиями из жизни Спасителя, укажут блуждающим путникам прямую стезю к Святой Земле к источнику чистой веры и истины Богопознания»⁵⁸.

Николай ЩУКИН

ИСКУШЕНИЯ⁵⁹

Среди песков пустыни знойной
Христос молился и стенал,
И дух сомненья беспокойный
Словам молитв Его внимал.

⁵⁶ Ювачев И. П. Паломничество в Палестину к Гробу Господню. СПб., 1904. С. 238.

⁵⁷ Кир Александра, епископа Рязанского и Егорьевского (старообрядческого), Дневник путешествия в Палестину. М., 1916. С. 67.

⁵⁸ Палеолог Ф. Русские люди в Обетованной Земле. СПб., 1895. С. 324—325.

⁵⁹ Щукин Николай. Свет не вечерний. Брюссель, 1963. С. 4—5.

В ночи таились чутко звери,
И где-то близко выл шакал,
И ветра плакали свирели,
Ложилась тень от лунных скал...
Он сорок дней уже молился.
Томила жажда, мучил глад,
И сатана Ему явился,
Вперяя в муку жуткий взгляд...
«Скажи, чтоб камни стали хлебом,
И все уверуют в Тебя,
Что Божий Сын Ты, послан Небом
Насытить мир, людей любя».
Подняв главу, Христос ответил:
«Не хлебом жив лишь человек,
Его взгляд словом Бога светел,
Завет был дан ему навек...»
Тогда с горы земные царства
В их славе дух раскрыл Христу,
Словами, полными коварства,
Он силу дать хотел персту.
«Все дам Тебе! — Их я властитель!
Склони колена предо мной!»
Но ждал напрасно искушитель
Прельщенья властью земной.
«Отыди, слышишь, дух нечистый!
Над всем царит Единый Бог,
Его лишь Лик почтим пречистый,
Лишь у Его склонимся ног...»
И возведен на кровлю храма
Христос бессильным сатаной.
Внизу сияла панорама
Садов, разубранных весной.
«Ты ринься вниз! — зовет лукавый. —
В Писанье слово есть и то,
Что Ты храним Небесной славой
И не преткнешься ни о что!» —
«Не искушай Владыку Бога! —
Услышал злобный дух запрет. —
Другая ждет Меня дорога, —
Ее начало — Назарет.
Ни хлебом, властью и ни чудом
Преобразить нельзя сердца...»
И сатана исчезнул тенью,
Стал внятен ангелов полет,
А мир к весеннему цветенью
Звал в храма мраморный пролет.